

Будущее либеральной демократии в России

События октября 1993 года **вновь** подняли вопрос о судьбе демократии в России, уже стоявший на повестке дня в 1905, в 1917 и в августе 1991 года. В России — как в 1917 году, так и ныне — сильны тенденции авторитаризма в политике и в обществе в целом. Авторитаризм был характерен для большевиков и национал-социалистов в Германии. И те, и другие победили в политической борьбе демократические силы и установили тоталитарный порядок. При этом они использовали условия демократического режима для уничтожения самой демократии. Следует отметить, что шансы на успех не всегда адекватны численному превосходству сторонников авторитаризма. В 1917 году большевики, имея довольно значительные фракции в Советах, все же не добились большинства в целом по стране ни в Советах, ни в Учредительном собрании; их политическая сила заключалась в централизованной организации, в наличии вооруженных отрядов и концентрации в центрах политической борьбы, в частности в Петрограде. Аналогично в октябре 1993 года политический вес оппозиции превосходил ее численность: в ночь с 3-го на 4-е октября несколько тысяч активных оппозиционеров в Москве, захвативших мэрию и штурмовавших телецентр «Останкино», могли определить исход длительного политического противостояния между либеральными демократами и коммунистическо-националистической оппозицией.

Результаты декабрьских выборов подтвердили силу авторитарных партий и авторитарных ценностей. Для многих в России и на Западе довольно неожиданным стал успех партии В. Жириновского, будто бы в насмешку носящей название «Либерально-демократической». Почти каждый четвертый избиратель, участвовавший в выборах, проголосовал за партийный список ЛДПР. К этому следует добавить голоса, отданные за Коммунистическую (примерно 13%) и Аграрную (около 8%) партии. В то же время либеральные и полулиберальные демократы потерпели относительное поражение вместо ожидавшейся победы. Блок «Выбор России» получил примерно 15%, блок Явлинского — 7%, а партия Шахрая — около 6% голосов; Движение демократических реформ не преодолело пятипроцентного барьера. К тому же практически отсутствовала поддержка центристских организаций, соединяющих — нередко довольно эклектически — разнообразные идеи: националистические, либеральные, социалистические и т. п. Демократическая партия России едва перешагнула пятипроцентный барьер, тогда как Гражданский союз не преодолел его вовсе¹.

При анализе политической ситуации следует учитывать роль политических лидеров. Их влияние, в частности, отразилось на результатах декабрьских выборов. Многие избиратели голосовали не столько за партии, сколько за их лидеров.

¹ См. «Независимая газета», 28 декабря 1993.

Качановский И. И. — преподаватель социологии и экономики Вольского университета (г. Луцк, Украина); докторант Университета Дж. Мейсона (США).

Успех Либерально-демократической партии во многом был заслугой Жириновского, сумевшего реализовать свой харизматический потенциал.

Если Жириновскому удастся сохранить свою харизму, уберечь ее от рутины парламентской деятельности, он может стать одним из серьезных кандидатов на президентских выборах. Другим политиком харизматического типа является А. Руцкой, бывший вице-президент России, устранный на время с политической арены в результате октябрьских событий.

Либеральная демократия в России во многом зависит от фигуры Б. Ельцина, и не только от его легального статуса президента, но и от харизматического влияния, которое было довольно сильным во время президентских выборов 1991 года, что, в частности, сыграло свою роль в провале августовского переворота. Однако харизма Ельцина начала угасать по мере того как его действия не приносили обещанных результатов в экономике. Справедливо утверждение, что существует слишком большая зависимость перспектив либерально-демократических реформ от одной личности. Поэтому не исключено, что уход Ельцина в силу разных причин с политической арены или изменение его собственных политических взглядов могут привести к отказу от либеральных реформ.

Либерально-демократические организации не имеют достаточной силы, чтобы стать доминирующими в российской политике. Это подтверждают не только декабрьские выборы. В старом парламенте, избранном еще во времена советской перестройки, либеральные демократы также были в меньшинстве. Ситуация усугубилась после того, как многие либеральные депутаты перешли из парламента в правительство и в аппарат президента. Политическая борьба превратилась в борьбу между президентом и правительством, с одной стороны, и парламентом, в котором все более начинала доминировать коммунистическая и националистическая оппозиция, — с другой. Российским либеральным демократам не удалось организовать сильную политическую партию, их опорой стал Ельцин с его статусом президента и харизмой. После октябрьских событий была предпринята новая попытка к объединению, однако «Выбор России» не сумел сплотить всех сторонников либерально-демократических преобразований.

Многие — как в России, так и на Западе — продолжают ориентироваться на президента Ельцина, считая укрепление президентской власти (особенно после успеха националистов и коммунистов на декабрьских выборах) гарантом демократии. Новая конституция, одобренная незначительным большинством на референдуме, действительно усиливает легальные полномочия и права президента. Однако использовать эти права может не только либеральный президент. Ельцин не пошел на обещанные досрочные президентские выборы, срок его полномочий истекает в 1996 году. Он продолжает оставаться единственным политиком либерального толка, сохраняющим пока остаточную харизму. Ни Е. Гайдар, ни А. Чубайс, ни Г. Явлинский, ни другие либеральные демократы не имеют в массах достаточного авторитета, чтобы противостоять харизматическому влиянию таких авторитарных политиков, как Жириновский или Руцкой. Как показали результаты прошедших выборов, рациональные аргументы Гайдара уступили чувственной демагогии Жириновского. В то время как экономист Гайдар говорил избирателям о рыночных реформах и о необходимости борьбы с инфляцией, Жириновский на доступном для большинства языке предлагал не обремененные рациональной аргументацией простые и быстрые рецепты решения всех проблем.

Большая роль в политике чувственных элементов отличает Россию от Запада с его рациональностью. Это, в частности, проявляется в значительном влиянии на российскую политику деятелей искусства, склонных, скорее, к чувственному восприятию, чем к рациональному анализу.

От интеллектуалов Запада российская интеллигенция традиционно отличалась большей чувственностью, что проявлялось и до большевистской революции, имевшей целью реализовать рационалистический в своей основе коммунистический проект. Как подчеркивал в «Вехах» Н. Бердяев, «научный позитивизм был воспринят русской интеллигенцией совсем превратно, совсем

ненаучно и играл совсем не ту роль, что в Западной Европе... А сама наука и научный дух не привились у нас, были восприняты не широкими массами интеллигенции, а лишь немногими. Ученые никогда не пользовались у нас особенным уважением и популярностью...»². Не случайно в России часто цитируются стихи Ф. Тютчева, могущие быть кредом чувственного типа русского интеллигента: «Умом Россию не понять, // Аршином общим не измерить: // У ней особенная стать...».

О соотношении «логики» и «чувственности» в «психологически-ментальной структуре России» говорил В. Аксенов, что близко по смыслу к выделенным М. Вебером рациональным и аффективным типам социального действия³. В. Войнович высказал аналогичную мысль: «Проблемой русских является их иррациональность. Они любят, чтобы вещи были страстными и эмоциональными, однако это приводит к хаосу»⁴.

У многих русских интеллигентов чувственность проявляется в «любви» к народу, справедливости и, соединяясь с рациональными идеями, рождает национализм и коммунизм. Как отмечал Н. Гредескул, «„народ" в мирозерцании русской интеллигенции — это не была только идея — оторванная и бессильная, голая и отвлеченная, нет, это была идея живая и действенная, радующая и страдающая, любящая и ненавидящая, стремящаяся и неустанная. Поэтому тот, кто хочет правильно представить себе русское интеллигентское мирозерцание, должен сказать, что оно было не только одномыслием, но и однострастием, одножеланием, одностраданием. Это было не только народничество, но и народолюбие, может быть, даже вправду народопоклонство. „Народ" не был для русской интеллигенции только объектом размышлений, но он был для нее в то же время источником радости и страданий, предметом любви и страстного желания»⁵. Идея служения народу, а не индивидуальным целям нашла свое выражение в социализме и национализме, которые в России имели и имеют сильное влияние и противостоят либерализму.

Со времен перестройки многие писатели, артисты, кинематографисты, художники, журналисты активно включились в политическую деятельность, стали лидерами политических организаций, избраны депутатами, привнеся, таким образом, в политику чувственные элементы. Не случайно возрождение русского национализма прямо связано с рядом российских писателей, чьи организации и печатные органы («Литературная Россия», «Наш современник», «День», «Молодая гвардия») стали идейным оплотом национализма.

Российскую журналистику от западной отличают большая чувственность и меньшая рациональность. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, например, «Огонек» и «Newsweek». Показателен также факт, что на телевидении «Останкино» программу Киселева «Итоги», базирующуюся на рациональном анализе политики, сменила программа «Воскресенье», представляющая чувственно-интеллигентский подход к политике. В то время как в «Итогах» политический анализ базируется на мнении ученых, людей компетентных в своей области, широко используются данные социологических опросов, в «Воскресенье» политические оценки даются самими журналистами: комментируя результаты декабрьских выборов, ведущий программы заявил, что не нужно быть крупным социологом, чтобы понять, почему люди голосовали за Жириновского.

Неразвитая рациональность характерна и для массового сознания, для рядовых деятелей российской политики. Однако одним этим нельзя объяснить успех авторитарных партий и политиков. Коммунистическая и Аграрная партии не имели — в отличие от партии Жириновского — харизматических лидеров. Можно утверждать, что результаты декабрьских выборов также отразили сильную авторитарную ориентацию масс. Многих избирателей привлекла именно ав-

² «Вехи. Интеллигенция в России». Сборник статей 1909—1910. М., 1991, с. 32—33.

³ См. Веб е р М. Избранные произведения. М., 1991.

⁴ «Newsweek», May 2, 1994.

⁵ «Вехи», с. 232.

торитарная программа, для них оказались привлекательными идеи усиления и возобновления государственного контроля над экономикой в частности и обществом в целом. Особенно следует отметить поддержку партии Жириновского и его авторитарных идей в армии. Роль последней в политике, как показали события августа 1991 и октября 1993, может стать решающей.

Ситуация в посткоммунистической России во многом напоминает ситуацию в веймаровской Германии. Общее для них — не только рост влияния харизматических лидеров типа Гитлера и Жириновского, но и значительная авторитарность общества как на уровне политических лидеров и организаций, так и на уровне масс. В Германии нацисты пришли к власти в результате демократических выборов. Такой сценарий нельзя исключать в нынешней России, о чем свидетельствуют результаты декабрьских выборов 1993 года. Потенциальная угроза для демократии лежит в самой демократии: большинство может поддерживать авторитарные или даже тоталитарные силы. Этот синдром веймаровской демократии начинает проявляться в России. Современная российская демократия держится на балансе между демократами и авторитаристами. Последние, преследуя свои цели, тем не менее могут использовать демократические методы политической борьбы.

В этих условиях либеральные демократы оказываются перед дилеммой: использовать демократические или авторитарные методы проведения либеральных реформ и установления демократии. События октября и декабря 1993 года остро обозначили эту проблему. Либеральный демократ президент Ельцин разогнал с применением власти и силы парламент — демократический институт, большинство в котором, однако, имели сторонники авторитаризма. Пойдя на демократические выборы нового парламента, либеральные демократы столкнулись с успехом авторитарных сил, представляющих угрозу для демократии. Это вновь продемонстрировало решение Государственной Думы об амнистии участникам попыток переворотов августа 1991 и октября 1993.

Не случайно среди либеральных демократов раздаются голоса о необходимости авторитарных методов проведения рыночных реформ. Популярными становятся примеры Чили времен Пиночета, Тайваня, Южной Кореи, столыпинских реформ. Однако, как показывают примеры других латиноамериканских и азиатских стран (Уругвай, Сальвадор, Парагвай, Гаити, Индонезия, довоенная Япония), авторитарная власть может вообще не использоваться для либерализации экономики или для усиления роли государства.

Еще одна проблема российской демократии — легитимность. Копирование в России законодательной (правовой) базы западных демократий само по себе не способно гарантировать политическую стабильность. Примером может быть разделение властей. В посткоммунистической России различные ветви власти (исполнительная, законодательная и судебная) оказались не разделенными, а противостоящими. Так, президент несколько раз пытался распустить Верховный Совет и Съезд народных депутатов, которые, в свою очередь, неоднократно пытались объявить импичмент президенту и отправить в отставку либеральное правительство. Возник кризис легитимности, когда президент и правительство, с одной стороны, а парламент — с другой, игнорировали решения друг друга. Этот кризис достиг пика в конце сентября и начале октября 1993 года, после того как президент издал Указ о роспуске парламента, депутаты которого, в свою очередь, приняли решение о смещении президента и избрании нового. Взаимная политическая борьба окончательно лишилась легитимности после того как лидеры оппозиции, вице-президент Руцкой и председатель Верховного Совета Хасбулатов призвали своих сторонников к вооруженным действиям. За штурмом мэрии Москвы и телецентра «Останкино» последовал ответный штурм «Белого Дома».

Проблема легитимности возникла также, когда Конституционный суд, созданный как гарант Конституции, оказался перед дилеммой: соблюдение Конституции или политическая целесообразность — в рамках действующей тогда Конституции политический конфликт разрешить было невозможно.

Правовое государство, верховенство закона основываются на легальности, т. е. на рациональной ориентации людей на определенные правила действий. Поэтому проблема правовой базы российской демократии состоит не только в наличии соответствующих законов, но и в их легитимности. Закон тогда становится действующим, когда на него ориентируют свои действия. Распуск Государственных Дум, существование нелегальных политических организаций, февральский и октябрьский перевороты 1917 года, гражданская война, коммунистические репрессии, попытка августовского переворота 1991 года и события октября 1993 года — лишь наиболее показательные примеры нелегитимных и нелегальных политических действий.

Принимая во внимание субъективный смысл этих действий, можно выделить еще одну проблему российской политики: политическая деятельность часто имеет неполитические мотивы. Люди нередко идут в политику, чтобы достичь чисто экономических целей. В нынешней России политика может приносить доходы легальные (причем не только денежные, но и неденежные: служебная квартира, дача, автомобиль, поездки за границу и т. п.) и нелегальные (взятки и т. п.), превышающие доходы от занятий медициной, наукой и даже бизнесом. Политический статус позволяет его обладателю получать «ренту», поэтому в России политики так редко и так тяжело расстаются со своими должностями: в частности, депутаты старого парламента выступали против новых парламентских выборов (помимо идеологических причин) также по причинам экономическим.

Развитие политической ситуации в России — не только внутренняя проблема. В случае прихода к власти авторитарных сил может кардинально измениться международная обстановка: националисты и коммунисты, оказавшись у власти, постараются включить бывшие советские республики в сферу исключительного влияния или даже в состав России и переориентировать курс на экспансию в другие регионы мира. Внешнеполитическая программа Жириновского сравнима лишь с программой Гитлера, и радикальные последствия для мира в случае ее реализации трудно предствимы. Успех партии Жириновского на выборах уже привел к частичному изменению внешней политики России: президент Ельцин и министр иностранных дел А. Козырев несколько отошли от политики сотрудничества с либерально-демократическими странами Запада, в частности заняв особую позицию в боснийском конфликте.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что перспективы установления в России стабильного и прочного либерально-демократического порядка (подобного существующему в странах Запада) зависят от изменений в ценностях и действиях политических субъектов (как на уровне лидеров и организаций, так и на уровне масс) в сторону рационализации и либерализации. Пока этого не происходит. В настоящее время в российском обществе сильна ориентация на авторитаризм под влиянием националистических и коммунистических идей, значительна роль харизматически-чувственного типа действий и в то же время слаба легитимность, в первую очередь легальность демократических законов.

И. Качановский, 1995